

«Одноклассник Му Ян не любит вегетарианские блюда», безразлично сказала Цуй Сяосин.

Она говорила так, будто Ли МуЯн сидел перед ней и ей нужно было всего поднять голову чтобы взглянуть на него.

Камень поднимает тысячу волн, одного слова достаточно чтобы кого-то напугать.

Ли МуЯн в оцепенении смотрел на еду, он не двигался, но сейчас он думал о прежних воспоминаниях, связывающих его с Сяосин.

«Цветы могут расцветать из грязи. Поэтому хоть он и не привлекателен, в нем есть энергия, которая позволит расцвести цветку».

«Ли МуЯн, если ты сражаешься, значит ты можешь победить, если ты можешь попытаться это сделать, значит можешь и сделать, ты не можешь просто сдаться...»

«У этой задачи есть еще одно решение, но увидев твое...»

.....

Они провели вместе совсем немного времени.

Тем не менее Ли МуЯн хорошо помнил каждый момент.

Потому что именно она вытащила Ли МуЯна из холодного бассейна, потому что она поддерживала его и стала свидетелем того как из грязи выросли цветы.

Ли МуЯн часто думал смог бы он достичь всего этого без Цуй Сяосин? Мог бы он так усердно работать и достичь того чего раньше даже и представить себе не мог?

Если бы он не хотел поехать в университет западного ветра вместе с Цуй Сяосин, он бы не получил высший бал на экзамене.

Если бы он не получил высший бал на экзамене, то не попал бы в академию звездного неба.

Если бы он не попал в академию звездного неба, то он бы не привлек к себе так много внимания и ему не нужно было постоянно волноваться.

Без Цуй Сяосин он бы продолжал тонуть и даже не думал бы о том, чтобы сдвинуться с места.

Вспоминая прошлое Ли МуЯн не мог не удивиться, услышав голос Цуй Сяосин.

Ли МуЯн?

Может быть Цуй Сяосин поняла кто он?

«Невозможно. Это невозможно. Навыки Хон Си бесподобны, а я изменил свой голос. Кроме того, в академии звёздного неба я усердно тренировался и мое телосложение значительно отличается от прошлого. Как она могла понять, что я Ли МуЯн? Где мог быть прокол?»

«Нет, это ловушка. Она намеренно пытается сделать так чтобы я выдал себя. Я знаю Цуй Сяосин и если бы она хотела разоблачить меня, то сделала бы это в тихом безлюдном месте.

Она бы не стала упоминать обо мне перед другими слугами, только если у нее нет злых намерений. В противном случае она не позволила бы другим узнать кто я. Раз она пришла в храм тысячи Будд чтобы помолиться за меня, я могу понять, о чем она думает».

Ли МуЯн посмотрел на Цуй Сяосин, которая смотрела прямо на него. Ее темные глаза искрились.

«Ты Ли МуЯн», эта фраза читалась в ее глазах.

Остальные были шокированы.

Надо было сказать, что имя Ли МуЯна было хорошо известно в Тианду.

Цуй Цаорен был очень знаменит в столице, а Ли МуЯн убил его и сам стал знаменитостью.

Говорили, что семья Цуй искала шанс отомстить, они хотели крови.

Но семья Лу не уживалась с семьей Цуй, они приехали в Джианнан и забрали его семью. Семья Цуй и семья Лу уже несколько раз спорили из-за этого дела.

Разве мог кто-то не знать человека, который мог повлиять на две самые влиятельные семьи в Тианду?

Более того, помимо Ли МуЯна, все остальные люди, присутствующие в комнате были людьми семьи Цуй. Даже если они были низкого статуса, они разделяли недовольство семьи Цуй по поводу Ли МуЯна.

«Ли МуЯну нравится рыба, но он не любит вегетарианские блюда», заявил Ли МуЯн, пытаясь успокоить свое сердце.

«Ты хорошо его знаешь?»

«Я часто слышу, как мисс Шинан его упоминает», Ли МуЯн насколько это возможно поддерживал покойный внешний вид и говорил сдержанно чтобы Цуй Сяосин не смогла найти лазейки в его словах.

Он хорошо знал, что Цуй Сяосин была очень внимательной девушкой. Она была мудрой, знающей, дотошной и осторожной.

Вов сяком случае Ли МуЯн несмотря ни на что не собирался признавать, что он Ли МуЯн.

«Я никогда не слышала, что у Ли МуЯна были братья», сказала Цуй Сяосин.

«Мы очень дальние родственники», ответил Ли МуЯн слегка улыбаясь: «Мы не виделись с ним много лет. Если бы Дядя ли не приехал в Тианду вместе с семьей Лу, то моя семья и не вспомнила бы что у нас еще есть родственники».

Цуй Сяосин наконец убрала ладонь от подбородка и сказала: «Можете приступать к еде».

Когда она закончила говорить, то первой взяла палочки и начала есть.

Затем Ли МуЯн съел несколько кусочков тофу, а потом взглянул на Цуй Сяосин и спросил: «Мисс Цуй тоже знает Ли МуЯна?»

Цуй Сяосин подняла брови, не ожидая что этот парень посмеет заговорить с ней.

Она вытерла рот носовым платком и сказала: «Мы друзья. Я увидела в тебе тень моего друга, поэтому не могла не спросить».

«Понятно», кивая ответил Ли МуЯн.

Предположение Ли МуЯна оказалось верным. Цуй Сяосин напала на него чтобы выяснить кем был водитель.

Она увидела в нем что-то знакомое и это вызвало прошлые эмоции.

Но тень была слишком расплывчата, и она не выдала своих эмоций.

Поскольку человек перед ней не был Ли МуЯном она потеряла интерес к разговору с ним.

Цуй Сяосин больше ничего не говорила, а другие боялись завести разговор.

Все молчали.

Ли МуЯн был действительно голоден, а вегетарианские блюда в храме тысячи Будд были очень хорошими. Закончив с едой, он попросил монаха принести еще одну порцию.

Цуй Мэн тоже был голоден, но из-за того, что рядом сидела молодая мисс, ему приходилось притворяться утонченным и он ел только тогда, когда ела молодая мисс. Один гриб ему приходилось есть в несколько укусов. Если он все дни в храме будет питаться вот так, то станет умирать от голода.

Цуй Сяосин ела очень мало, да и ее служанки ели немного. Во время еды Таохон и Цюлу постоянно смотрели на Ли МуЯна. Никто не знал, о чем они думают.

Ли МуЯн только отложил палочки для еды и увидел бегущую Ли Шинан.

Сяосин встала и с беспокойством спросила: «Шинан, что случилось?»

«Они хотят, чтобы я стала монахиней», гнев Ли Шинан не исчезал, а в ее голосе появилась ярость: «Я хочу замуж, кто захочет быть монахиней?»

«Что?», воскликнула Цуй Сяосин: «Мастер Мяосинь...почему попросил тебя о таком...»

«Их спроси», Ли Шинан села рядом с Сяосин: «Сначала мне нужно что-нибудь съесть, я пила чай с этими монахами, а когда услышал его слова, то чуть не задохнулась...»

Ли Шинан жадно поглощала еду, когда появился монах и Мяосинь с группой старых монахов.

«Мисс Шинан, мисс Шинан, послушайте нас, послушайте, у нас есть на то причины...», Мяосинь обеспокоенно смотрел на Ли Шинан.

Если этот вопрос всплывёт, то что подумают люди узнав, что монахи пытались уговорить молодую красивую девушку стать монахиней?

Он был столетним стриком, человеком с хорошей репутацией, и никто во внешнем мире не думал о нем как о плохом человеке.

Тем не менее, репутация храма тысячи Будд после этого может пострадать.

Сейчас лучше всего очень тщательно объяснить причину таких действий.

«Я не буду слушать, не буду», Ли Шинан качала головой, схватив Цуй Сяосин за руку: «Сестра Сяосин, я не хочу быть монахиней. Я не хочу брить голову, не хочу носить уродливую одежду, не хочу каждый день есть вегетарианские блюда, я хочу жареного гуся, рыбу с кедровыми орехами, еще я хочу ногу ягненка...я еще никогда не влюблялась, я хочу влюбиться много-много раз».

«....»

После каждого слова Ли Шинан Мяосинь хмурился все сильнее.

Не говоря уже о жизни животных, она не свободна от человеческих желаний. Все шесть ее коней не чисты.

Однако было странно почему именно такая девушка смогла зажечь статуи Будд и заставить старый колокол, что молчал тысячи лет зазвенеть без ветра?

«Вино и мясо лишь улада кишечника в то время как Будда живет в сердце», Мяосинь крепко сжал руки и сказал: «Будда — это не образ, это не слова, это то что в твоих костях и сердце».

Сделав паузу он улыбнувшись посмотрел на Ли Шинан: «Маленькая, девочка говорит все это чтобы отказаться от нас. Но ослепит ли нас внешность?»

Ли Шинан действительно несколько побаивалась старого монаха Мяосинь. Она встала и поклонилась ему: «Учитель, не усложняйте все для меня. Я пришла сюда чтобы попросить о помощи, чтобы получить благословение на возвращение брата. Но вы не можете ведь использовать это чтобы просить меня стать буддийским учеником? В противном случае я больше никогда не стану ни о чем просить. Я не хочу молиться Бодхисаттве. Я не буду просить о помощи в возвращении брата...мы все прояснили, хорошо?»

Глаза Ли Шинан были красными, она была расстроена и чуть ли не плача сказала: «Я не хочу быть монахиней».